

историю и современность, природу и человека, поэт идет не от идеи к предмету, а от предмета к идее, к философскому обобщению. Отсюда сюжетность, повествовательность, драматизм и ярко выраженная

балладность его лирики. Творческая манера И. Прончатова обнаруживает явные следы связи с народно-поэтическим творчеством, ибо в фольклоре также все чувственно, зримо, осязаемо.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Горбунов В. В. Поэзия — душа народа. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1973. 192 с.
2. Горбунов Г. И. Востомат. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1993. 192 с.
3. Коломасов В. Лавгинов; Прончатов И. Сэняжа; Щеглов А. Гайкетак бандура! Саранск: Морд. кн. изд-во, 1995. 240 с.
4. Прончатов И. Васень цвет. Саранск: Мордгиз, 1939. 40 с.
5. Прончатов И. Жернова. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1971. 88 с.
6. Прончатов И. Стройсэ. Саранск: Мордгиз, 1950. 124 с.
7. Современная мордовская литература. 60 — 80-е годы: В 2 ч. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1993. Ч. 2. 320 с.

Поступила 23.09.02.

АРТУР МОРО В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ И КРИТИКЕ

О. Б. ГНАТОВСКАЯ, аспирант

В истории каждого народа есть личности, биографии которых отражают целые этапы развития и совершенствования национальной культуры. К числу таких людей относятся известные далеко за пределами Мордовии самообытный художник-скульптор С. Д. Эрзя, художник Ф. В. Сычков, ученый-филолог и этнограф М. Е. Евсеев, поэт-просветитель З. Ф. Дорофеев, первые мордовские композиторы Л. П. Кирюков, Л. И. Воинов и многие другие ученые и деятели культуры, поэты и писатели, наши современники, среди которых одно из почетных мест принадлежит заслуженному поэту Мордовии **Афанасию Матвеевичу Осипову (Артуру Моро)**.

Творчество Моро — одно из самых ярких и значительных явлений в истории мордовской литературы. Оно тесно связано не только с письменной и устной поэзией родного народа, но и с русской поэзией, а также с поэзией многих народов бывшего Советского Союза. Отличительные черты многих его произведе-

ний — народность, публицистическая страстность, гражданственность. Он считается новатором мордовского стиха. А. Моро в эрзя-мордовской литературе и М. Безбородов — в мокша-мордовской в конце 20-х годов XX века одни из первых совершили переход к силлаботонической системе стихосложения.

Артур Моро принадлежит к тому поколению писателей, которому выпало счастье строить фундамент молодой мордовской литературы, способствовать ее становлению и обеспечить ей достойное место среди литератур народов России.

Его поэзии посвящено столько критических статей и рецензий, сколько не было написано ни об одном мордовском поэте. Национальная литературная критика в начале была не в силах разобраться в поисках Артуром Моро собственного поэтического голоса. Поэта обвиняли в «буффонаде», «ячестве», в анархизме и многих прочих «грехах». Он же искал художественно совершенного выражения своих

© О. Б. Гнатовская, 2003

сердечных дум, которое способствовало бы наиболее глубокому раскрытию образов его соплеменников. В 1930-е годы журнал «Сятко» («Искра») опубликовал статьи П. Арпишкина «Казякаць вайгелесь» («Суровый голос») [1] и В. Радаева «Мезес пачкодсь Моро» («До чего дошел Моро») [14], в которых стихотворения Артура Моро были жестко раскритикованы. В 1932 году о его поэзии появилась статья в газете «Эрзянь коммуна» («Эрзянская коммуна») [15]. Она называлась «Седеламо классовой бдительность идеологической фронта» («Больше классовой бдительности на идеологическом фронте») и призывала обратить внимание на творчество А. Моро.

В 1930-е годы имя Моро становится широко известным. Его стихи «Пекшень дудкине» («Липовая дудочка»), «Од пора» («Молодость») и другие пользуются большой популярностью у народа. Однако знаменитое стихотворение «Мон эрзян» («Я — эрзянин») принесло автору не только лавры, но и тернии: нашлись люди, которые прилепили ему ярлык националиста. Был даже изобретен уничижительный термин — «артурморовщина». Опьяненные рапповским азартом, так называемые критики почти в прямом смысле подвели молодого поэта к беспощадной сталинской гильотине. Но судьба вывела его из-под удара: репрессии его не коснулись.

Хочется заметить, что Артур Моро никогда не отделял себя, эрзянина, от интересов своего народа, а интересы народа — от интересов страны. Очень убедительно об этом сказано в выпущенном в свет издательством «Советский писатель» сборнике «Поэты Мордовии», где ведущее место принадлежит его поэзии. Давая оценку стихам, включенным в сборник, его составитель и редактор Н. Смирнов отмечал: «Особенно разнообразна в отношении тематики зрелая поэзия А. Моро. В ней, наряду с мордовской деревней и родным пейзажем, фигурирует и торжественная песнь о России, патриотически обобщая силу непобедимого Советского Союза; и славная столица нашей Родины — Москва; и Кавказ с его литературными традициями; и древний Овидий,

и бессмертный Пушкин. Характерно то, что Артур Моро в любом стихотворении остается независимо от тематики национальным мордовским поэтом. Поэзия Моро является в то же время примером непрерывного приобщения национального поэта к большой общечеловеческой культуре» [16, с. 130]. Не менее убедительной представляется и мысль, проведенная в первом коллективном сборнике под редакцией А. Я. Дорогойченко «Мордовские поэты», выпущенном Гослитиздатом в 1940 году. Разбирая этот «документ литературного и политического значения», степень одаренности каждого поэта, чьи стихи были помещены в сборнике, и его место в общем строю многонациональной поэзии страны, Н. Николаев-Бергин писал: «Артур Моро — виднейший поэт Мордовии. Обращает на себя внимание культура его стиха. В отличие от других поэтов Мордовии, А. Моро способен к расширению и значительному углублению бытовой темы. В этом смысле его «Письмо к дедушке» — одно из лучших произведений сборника. Рифма певуча, образ точен, повествование ведется уверенно и без срывов» [13, с. 175].

В 1952 году Мордовское государственное издательство выпустило в свет книгу Артура Моро «Кочказь стихотвореният» («Избранные стихотворения»). В этом же году в газете «Советская Мордовия» была опубликована статья М. Бебана «У кого учится Артур Моро?». В ней критик отмечает те стихотворения, которые кажутся ему порочными в идейном и художественном отношении. «А. Моро с первых дней своей литературной деятельности делает вид, что учится по образцам русской классической и советской поэзии. В чем же состоит его „учение“?» — спрашивает М. Бебан. И отвечает: «Только в том, что он неправильно переводит стихотворения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. В. Маяковского. Из-за этого они теряют свой смысл. Когда же автор пишет без подражания, без учителей, у него получаются безыдейные, пустые слова». М. Бебан обвиняет поэта в приверженности декадентам, которые проповедовали тезис «искусство для искусства». Он подвергает резкой критике и стихотворе-

ния Моро периода Великой Отечественной войны: «Очень слабо выражен патриотизм... А. Моро все больше старался писать об индивидуальных переживаниях влюбленного лирического героя. В то время, когда советские люди героически боролись на фронтах нашей Родины, он славит веселую беззаботную Нину, у которой под пальцами „играет пианино“, а в глазах „горит огонек любви“» [2].

Мордовская критика, пожалуй, и сегодня недооценивает военную лирику Моро, между тем судьбы простых солдат, командиров обретают в ней эпическую значимость. Поэт не идеализирует своих героев, не драматизирует их судьбы искусственно. Он рисует их людьми мудрыми, мужественными, стойкими, то есть такими, какими они были на самом деле.

Сборник «Кочказь стихотвореният» у мордовских литературоведов получил неоднозначную оценку. В 1953 году в эрзянском литературно-художественном альманахе «Изнямо» («Победа») была опубликована статья Н. Видманова, в которой автор пишет: «Сборник „Кочказь стихотвореният“ в творчестве Артура Моро стал большим достижением. Он богат по тематическому и идейному содержанию. Поэт воспекает рост индустрии на нашей земле, свободный труд на колхозных полях, советского человека и его счастливую жизнь, духовную жизнь народа. Сборник показал, что Моро сделал еще один шаг к росту идейной стороны и улучшению художественной формы» [3, с. 216].

Идея обновления жизни людей проходит красной нитью через многие произведения мордовских писателей. Однако в силу сложившейся нездоровой обстановки, вызванной культом личности, порой не все стороны действительности освещались с достаточной объективностью. Особенно это касалось коллективизации сельского хозяйства. Писатели умалчивали о реальном положении дел, о том, что в борьбе с кулаком фактически было применено насилие по отношению к огромной массе крестьян, многие из них были оторваны от родной земли, бедствовали и погибали в лагерях.

Расцвет творчества Артура Моро

приходится на послевоенное время. «В его поэзии настойчиво углубляется и расширяется тема духовного обновления человека, новыми красками засверкала любовная и пейзажная лирика, активно вторгается в его поэтический диапазон философская струя. ...Моро становится признанным выразителем поэтического мироощущения родного народа, могучей фигурой в развитии национальной духовности», — пишет в статье «Счастье непроторенных дорог» Г. И. Горбунов [6].

В 1950-е годы А. Моро обращается к жанру поэмы. Он проявил себя в мордовской поэзии новатором в области освоения труднейшего жанра сонета. Стихотворения поэта «Русь», «Комсомол» звучат как хрестоматийные. Они были на устах всей молодежи и до сих пор не смыты из памяти народа.

О творчестве Моро много писал и В. В. Горбунов. В 1959 году в журнале «Сурань толт» («Огни Суры») была опубликована его статья «Артур Моронень — 50», посвященная юбилею писателя, в которой он пишет: «Артур Моро прошел большой жизненный путь. Нелегкой была его жизнь, но трудности не сломили его. Они вырастили его настоящим эрзянским поэтом, который из года в год тверже и увереннее поет о силе новой жизни. Моро шагает в народном строю как гражданин, поэт и воин. В нем живет кипящая сила» [5, с. 78].

И действительно, вся жизнь поэта начиная с первых шагов в литературе и до самой смерти была изнурительной борьбой за право оставаться со своим народом во всех его радостях и горестях, отстаивать идеалы добра и справедливости, а также свое место в поэзии.

В 1965 году В. В. Горбунов в статье «Артур Моро» так отзывается о творчестве поэта: «В начале творческого пути на Моро большое влияние оказал мордовский фольклор. В 30-е годы это дало неплохие результаты. Сильно повлияло на поэзию Моро и творчество В. Маяковского. Но фольклор всегда занимал большое место в его творчестве. Он потянулся к Есенину, но не сразу понял его. В стихотворениях Моро начали появляться случайные настроения, которые не под-

ходили его боевой позиции. Понятно было, что все шло не из сердца поэта, а было навеяно поэзией С. Есенина» [4, с. 84].

Нет необходимости подробно говорить о тех критиках, которые пытались представить Есенина (рядом с Лермонтовым, Тютчевым и Блоком) как поэта «тоски», «смакования любовных тем» и прочих ненужных «нежностей» и потому непригодного для революционной эпохи. Новое мироощущение поэзии Моро, сложившееся под влиянием Есенина, несомненно. Сергей Есенин дорог нам как проникновенный лирик. Восприятие жизни, природы по-новому, видение вещей каждый раз по-иному, одушевление природы, слияние ее с внутренней жизнью человека сделали произведения замечательного русского поэта любимыми для миллионов читателей.

И. Инжеватов в статье «Од порань мазычинь морыця» («Певец молодости»), опубликованной в 1967 году в газете «Эрзянь правда», отмечает, что с самого начала творческой деятельности Моро понял, что ему, представителю молодой литературы, не имевшей письменных традиций, нужно пройти большую школу идейной подготовки, повышать профессиональное мастерство, писательскую культуру [9]. В 1969 году вышла другая его статья — «Ялгадо вал» («Слово о друге»). В ней автор пишет: «В творчестве Артура Моро большое место занимает тема судьбы родного эрзянского народа. Поэт часто пишет о Мордовии. Его патристическая лирика — гордость мордовской поэзии, многие стихи стали хрестоматийными и вошли в основной фонд мордовской литературы» [10].

У каждого писателя есть своя, основная тема, пронизывающая всю его биографию, всю его творческую работу. У Моро такой темой является любовь к своему народу и родному краю. Все его помыслы, все творчество направлены на то, чтобы сделать край цветущим, а народ счастливым. Это постоянно вдохновляет его как гражданина и художника.

«Артур Моро — один из тех эрзянских поэтов, кто в своем творчестве много внимания уделяет теме дружбы наро-

дов, — пишет П. Наумов в статье «Национальное ды интернациональное А. Моронь лирикасо» («Национальное и интернациональное в лирике А. Моро»). — Он поет не только о своей родной земле и ее людях. Его взгляд шире, тематика стихов богаче. Моро находится в одном ряду с теми поэтами и писателями, кто душой болеет за национальную культуру, традиции, родной язык. Знание духа своего народа помогает понять смысл интернациональной культуры» [12, с. 50].

Значительный вклад в изучение творчества поэта внес Т. Н. Тимин (Митряшкин). Многие его публикации о творчестве Моро увидели свет на страницах журнала «Сятко». А в 1995 году Мордовское книжное издательство выпустило его книгу «Артур Моро. Жизнь и творчество». В этом труде показана его жизненная и творческая судьба, дана оценка произведений разных творческих периодов. «Обобщая творческий путь поэта, многообразие тематики его стихов, можно смело сказать, что для лирики и поэмого творчества А. Моро характерно глубокое проникновение во внутренний мир современника и эмоционально-взволнованное воспевание значительных перемен в жизни народа, которые воспринимаются им очень остро», — отмечает автор [17, с. 64].

Известный мордовский писатель А. М. Доронин в своей книге «Кинть ютасы молицясь» («Дорогу осилит идущий») очерк «Мон эрзян, прясто пильгс эрзян...» («Я эрзянин, с головы до ног эрзянин...») посвятил А. М. Моро. Это строки из стихотворения Моро, которые, как и некоторые другие, стали афоризмами. «„Аволь ёвкссо истямат пек мазый, монсь неитинь, родной сырнень Русь...“ („Ты не в сказке такая красивая, сам я видел тебя, родная золотая Русь...“). Так писать может только человек, очень любящий свою Родину, в ком живет огромный талант. Стихотворение „Русь“ знают многие эрзяне. Оно поднимает настроение, и жизнь кажется светлее. Знаем и другие стихотворения поэта. В чем же их сила? В том чувстве, которое никогда не иссякнет. И не только в этом. Поэзия — не политика. В ней не бывает перебежек туда-

сюда и глядения в чьи-то рты. Настоящая поэзия — глоток воздуха, шепот губ, знание своего места среди людей», — пишет о творчестве Моро А. Доронин [8, с. 108 — 109].

Во всем своем творчестве Артур Моро был и остается поэтом глубоко национальным, но не националистическим. Он никогда не отказывался от идей социализма, однако последовательно выступал против методов национально-культурного строительства, приводящих к русификации так называемых малых народов. Единственным героем поэзии Моро была правда, а правда в условиях тоталитаризма и застойного времени расценивалась как посягательство на «мудрость», что приводило к самым трагическим последствиям. «Не всегда гладким был жизненный путь поэта. Прямо сказать, характер у него был не мед. Не любил притворяться, говорил, что думал. Конечно, многим это не нравилось. Поэтому последние двадцать лет не выпускались его книги на эрзянском языке. На родном языке, которым он дышал, жил, за который стоял до смерти», — рассказывает об Артуре Моро А. Макаров [11, с. 81].

На VII съезде писателей Мордовии, состоявшемся 23 апреля 1971 года, Артур Моро единственный осмелился бросить дерзкий вызов руководителям республики за пренебрежительное отношение к насущным национальным нуждам. Это было настоящее столкновение поэта с властью, был неравный поединок высокоинтеллектуального и исполненного гражданского мужества человека с мстительной и зазнавшейся партийной элитой. Около двадцати лет Моро в Мордовии не

издавался. Его стремились «замолчать». Однако голос поэта продолжал звучать со страниц центральных газет и журналов, в столице продолжали выходить его сборники, его слово находило живой отклик у участников всесоюзных и международных конференций.

«Эрва ломаненть ули морозо...» («У каждого человека своя песня...») называется статья Л. Дергачевой, опубликованная в журнале «Сятко» в 1997 году. «Перед нами поэзия Моро, — пишет автор. — И пусть прошло уже много лет с тех пор, как он впервые ступил на творческий путь, и сейчас его уже нет с нами, все-таки хочется сказать: в эрзянскую литературу пришел новый поэт и его произведения очень отличаются от других. Чем? Они дарят родным местам бесконечную любовь и учат этому читателей» [7, с. 57].

Чем крупнее художник, самобытнее талант, противоречивее его эпоха, тем труднее порой современникам оценить истинный вклад его в духовную жизнь нации, раскрыть все грани его дарования. Наносное, случайное, субъективное может на какое-то время закрыть от взора главное в творчестве художника, исказить его подлинный облик. Но если он был истинным сыном своего народа, его действительно волновала судьба Родины и если он постоянно чувствовал свою гражданскую ответственность перед Отечеством, если он настойчиво стремился к реалистическому изображению действительности, к правде и только правде, то рано или поздно словесный туман вокруг его имени рассеется и тогда явственно обозначатся все грани неповторимого таланта А. Моро.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арпишкин П. Казякаць вайгелесь // Сятко. 1931. № 20—21. С. 28; № 22. С. 15.
2. Бебан М. У кого учится Артур Моро? // Сов. Мордовия. 1952. 2 нояб.
3. Видманов Н. Поэт-лирик // Изнямо. 1953. № 13. С. 216 — 230.
4. Горбунов В. Артур Моро // Сятко. 1965. № 1. С. 79 — 84.
5. Горбунов В. Артур Моронень — 50 // Сурань толт. 1959. № 3. С. 73 — 78.
6. Горбунов Г. Счастье непроторенных дорог // Мол. ленинец. 1969. 13 мая.
7. Дергачева Л. Эрва ломаненть ули морозо... // Сятко. 1997. № 6. С. 57 — 63.
8. Доронин А. Мон эрзян, прясто пильгс эрзян... // Кинть ютасы молицясь. Саранск, 1994. С. 105 — 117.
9. Инжеватов И. Од порань мазычинь морыця // Эрзянь правда. 1967. 9 дек.
10. Инжеватов И. Ялгадо вал // Эрзянь правда. 1969. 15 мая.
11. Макаров А. Артур Моронь праздниксэ // Сятко. 1989. № 5. С. 81 — 83.
12. Наумов П. Национальноесь ды интернациональноесь А. Моронь лирикасо. // Сятко. 1978. № 1. С. 50 — 52.

13. Николаев-Бергин Н. «Мордовские поэты» [рец.] // Звезда. 1941. № 4. С. 175 — 176.
14. Радаев В. Мезес пачкодсь Моро // Сятко. 1934. № 9—10. С. 62 — 65.
15. Седе ламо классовой бдительность идеологической фронта // Эрзянь коммуна. 1932. 2 февр.
16. Смирнов Н. Мордовские поэты // Поэты Мордовии. М., 1947. С. 129 — 133.
17. Тимин Т. Артур Моро: Жизнь и творчество: очерки. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1995. 192 с.

Поступила 05.11.02.

КОМПЬЮТЕРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ГРАФЕМНО-ФОНЕМНОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ВЫБОР ПОДХОДА)

А. В. КОРОЧКОВ, ассистент

Данная работа является второй в цикле работ [4], посвященных компьютеризации (автоматизации) этапа *расширенного графемно-фонемного преобразования* (РГФП), который может присутствовать либо в полных естественно-языковых системах, включающих цепочку порождения «смысл → озвученный текст», либо в отдельных системах озвучивания существующих письменных текстов. Наша цель — сравнение возможных подходов к преобразованию и выбор на основе этого сравнения подхода для компьютерного моделирования РГФП.

Исходя из типа лингвистического объекта, подлежащего преобразованию при РГФП, — слова, морфемы или графемы — можно выделить три группы подходов, которые условно назовем соответственно *словесными*, *морфемными* и *графемными*. Эти типы были кратко охарактеризованы в предшествующей работе [4]. Помимо базовых подходов, основанных на преобразовании объектов одного типа, можно представить подходы, ориентированные на преобразование некоторой комбинации разнотипных объектов, например словесно-графемные и графемно-словесные комбинированные подходы.

Для компьютерного моделирования РГФП необходимо из этого многообразия вариантов выбрать один. Сравнение будет более адекватным, если оно опи-

рается на некое формальное описание сравниваемых объектов, поэтому ниже приводится попытка формально (на основе классической теории множеств) описать каждый из упомянутых подходов на уровне, достаточном для проведения сравнения. Кроме того, сравнение должно основываться на определенных критериях оценки. Так как речь идет о возможной компьютерной процедуре, то для нее стандартными критериями являются временные и пространственные характеристики — *быстродействие* и *объем используемой памяти*. Обозначим их соответственно γ и ξ .

Другая группа применимых для сравнения критериев, которые в дальнейшем будем называть функциональными, чтобы отделить их от компьютерных критериев производительности, состоит из критерия *степени охвата*, или *покрытия*, входного графемного материала, подлежащего преобразованию, который обозначим λ , и критерия *степени правильности*, или *адекватности*, этого преобразования, который обозначим α . Эти критерии можно записать как отношения:

$$\lambda = \frac{|I|}{|U|},$$

где I — множество таких элементов на входе системы преобразования, для кото-

© А. В. Корочков, 2003